

Dzieje biurokracji tom IV

Арина Олеговна Мещерякова
(Воронежский Государственный Университет)

Институт генерал-губернаторства в военных условиях: деятельность Московского главнокомандующего Ф.В. Ростопчина в 1812 г.

Проблема генерал-губернаторской власти в Российской империи неоднократно освещалась как в отечественной, так и в зарубежной историографии¹. Однако, несмотря на обилие литературы по этой теме, институт генерал-губернаторства до сих пор остается одним из наименее изученных административных институтов дореволюционной России². Основная причина этого очевидного пробела связана со спецификой объекта исследования. Генерал-губернаторская власть в России почти всегда носила исключительный характер – не имела четко очерченной компетенции и слишком зависела от времени и места ее реализации, а также от личности самого генерал-губернатора. В связи с этим достаточно сложно создать цельную картину функционирования института генерал-губернаторства даже в какой-то определенный период. В этой ситуации особое значение имеет разработка тех сюжетов и проблем, анализ которых позволяет выявить общие закономерности функционирования института генерал-губернаторства на всем протяжении его существования. Несомненный интерес для исследования вызывает специфика генерал-губернаторской власти в чрезвычайных условиях.

---

¹ Подробный обзор отечественной научной литературы по данной теме представлен в исследованиях Г.А. Рассолова и В.Г. Арутюняна (см.: Г.А. Рассолов, *Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 г. - конец XIX в.)*, диссертация [...] кандидата исторических наук, Москва 2005; В.Г. Арутюнян, *Генерал-губернаторства при Александре I*, диссертация [...] кандидата исторических наук, Москва 2008). Современной зарубежной историографии вопроса посвящена обстоятельная статья Ю.П. Злобина (см.: Ю.П. Злобин, *Институт генерал-губернаторской власти Российской империи в современной зарубежной историографии*, „Вестник Оренбургского государственного университета“ 2009, № 10, с. 4-11).

² Patrz: В.Г. Арутюнян, *Генерал-губернаторства при Александре I...*, с. 3.

История управления Московской губернией во время Отечественной войны 1812 г. представляет собой богатый и яркий материал для исследования этой проблемы. Помимо анализа механизмов управления и административной практики московского генерал-губернатора в 1812 г., в работе предстоит ответить на несколько вопросов, имеющих принципиальное значение для характеристики института генерал-губернаторства. Во-первых, необходимо определить, насколько действия Ф.В. Ростопчина летом 1812 г. соответствовали законодательству, определяющему полномочия генерал-губернатора в царствование Александра I. Во-вторых, следует установить, насколько эффективной оказалась власть московского генерал-губернатора в условиях войны с Наполеоном.

Указом Сенату от 24 мая 1812 г. действительный тайный советник и обер-камергер императорского двора граф Федор Васильевич Ростопчин (1765–1826) был переименован в генералы от инфантерии и назначен генерал-губернатором в Москву, а 29 мая он был объявлен московским главнокомандующим. Ростопчин сменил на этом посту престарелого фельдмаршала И.В. Гудовича, ушедшего в отставку по состоянию здоровья³. Благодаря своей разносторонней общественно-политической деятельности в эпоху Тильзита, Ростопчин снискал репутацию патриота и консерватора, а публикация в 1807 г. националистического памфлета «Мысли вслух на Красном крыльце...»⁴, способствовала его необычайной популярности в широких кругах русского общества.

Известие о назначении Ростопчина генерал-губернатором Москвы было встречено обществом весьма благосклонно, что подтверждают свидетельства современников. Так, чиновник Петербургского почтамта И.П. Оденталь писал из столицы о том, что жители Москвы должны принести «благодарение Богу, что Государь дал им в графе Федоре Васильевиче столь редкого начальника»⁵. Одна московская великосветская дама (М.А. Волкова), для которой Ростопчин, по ее собственным словам, никогда «не был героем», вскоре должна была признать, что «у него в тысячу раз более ума и деятельности», чем у бывшего генерал-губернатора фельдмаршала И.В. Гудовича⁶. По мнению же Ф.Ф. Вигеля, Александр I «был вдохновлен свыше, когда в преемники гр. Гудовичу выбрал гр. Ростопчина»⁷. С ним соглашался и редактор «Русского вестника»:

[...] Глас Божий слышен был и в голосе народном, когда в 1812 г. граф Ростопчин был назначен главнокомандующим в Москву. С мыслью нового начальника породнилась мысль целой Москвы, а на Москву смотрела вся Россия⁸.

³ Patrz: [Объявление московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина жителям Москвы], «Московские ведомости» 1812, № 47, 12 июня, s. 1281.

⁴ Patrz: Ф.В. Ростопчин, *Мысли вслух на Красном крыльце*. С приложением письма Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве, Moskwa 1807.

⁵ Письма И.П. Оденталю к А.Я. Булгакову, «Русская старина» 1912, t. 150, № 6, s. 608.

⁶ Письма М.А. Волковой к В.И. Ланской, «Русский архив» 1872, kol. 2377.

⁷ Ф.Ф. Вигель, *Записки*, Moskwa 2000, s. 198.

⁸ Сут. za: А.Н. Попов, *Москва в 1812 году*, «Русский архив» 1875, № 7, s. 275.

Кампания по созданию привлекательного образа начальника Москвы началась еще до официального вступления Ростопчина в должность. Незадолго до своего повышения он просил Александра I о нескольких «незначительных» услугах, которые, тем не менее, принесли заметный результат. Дело в том, что Ростопчин просил при назначении в Москву определить ему жалование «очень большое», чтобы на первой же почте отправить министру полиции письмо с отказом от него «на все время войны». Этим поступком Ростопчин желал подать полезный в тех условиях пример бескорыстного служения царю и Отечеству. Тогда же Ростопчин испросил для себя звание главнокомандующего и эполеты с шифром Его Императорского Величества, как он объяснял: «для вящего уважения»⁹. Вероятно, он стремился усилить свой авторитет не только в глазах подчиненных и всего московского населения, но и в «верхах».

Впоследствии историк русской литературы Н.Н. Булич писал о генерал-губернаторстве Ростопчина следующее:

Страстный по своей впечатлительной натуре и деспот в душе, Ростопчин сжал первопрестольную столицу в своих крепких руках и распорядился в ней самовластно; это был диктатор, которому обстоятельства придавали силу¹⁰

Следует заметить, что автор этих строк необычайно точно отразил характер власти московского военного губернатора. В свое время известный правовед, специалист в области русского государственного права А.Д. Градовский сравнил разницу между «чрезвычайными должностями, в действиях своих опирающимися не столько на общий закон, сколько на *личное усмотрение* [курсив мой. – А.М], и системой нормальных установлений», с разницей между личной политикой, где господствует субъективная воля и закономерным управлением страной, основанном на исполнении воли высшего правительства¹¹. В генерал-губернаторстве Ростопчина господство «субъективной воли» проявилось особенно ярко.

Вступив накануне войны в новую должность и получив тем самым диктаторские полномочия, Ростопчин приобрел уникальную возможность на практике реализовать идею государственной власти в ее национально-консервативном варианте, то есть в соответствии с собственными политическими пристрастиями и вкусами, сформировавшимися в основном в царствование Павла I. Важно отметить, что Ростопчин в своих сочинениях никогда не предпринимал сколько-нибудь развернутого теоретического обоснования идеи государственной власти. Его представления об этом отчасти можно реконструировать, опираясь на факты его личного опыта, зафиксированные в воспоминаниях¹² и письмах соответству-

⁹ *Просьбы графа Ростопчина*, [w] Н.Ф. Дубровин, *Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.)*, Sankt Petersburg 1882, s. 4.

¹⁰ Н.Н. Булич, *Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века*, Sankt Petersburg 1912, t. 1–2, s. 385.

¹¹ А.Д. Градовский, *Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России*, [w] tenże, *Собрание сочинений*, t. I, Sankt Petersburg 1899, s. 310.

¹² Patrz.: Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, [w] tenże, *Ох, французы!*, Moskwa 1992.

ющего периода¹³, а также в мемуарах и эпистолярном наследии современников. Но в экстраординарной обстановке войны при необходимости быстро принимать решения меры московского генерал-губернатора порой были не столько выражением продуманной программы действий, сколько использованием приемов и механизмов императора Павла I, благодарным почитателем которого он оставался до конца жизни. Думается, что именно опыт пребывания Ростопчина в ближайшем окружении Павла I наложил отпечаток на его деятельность во главе Москвы во время войны 1812 г.

Император Павел в свое правление стремился реализовать идею сильной, авторитетной и максимально сосредоточенной в руках монарха государственной власти. С этой идеей была тесно связана абсолютизация принципа порядка и дисциплины, выражением которого явилось установление военно-полицейского режима в империи. Немедленность и публичность наказания, ставшие при Павле нормой, выступали действенным механизмом поддержания введенного в государстве порядка. Павел придавал значение демонстрации не только сильной, но и справедливой власти, одним из символов которой был знаменитый желтый ящик у ворот Зимнего дворца, служивший тому, чтобы «глас слабого, угнетенного был услышан»¹⁴ и каждый, невзирая на чин и положение, мог обратиться лично к императору со своей просьбой. Стремление уравнивать перед лицом власти все сословия и выступить в роли строгого, но справедливого отца своих подданных подчеркивало патерналистский стиль правления Павла I. Эта черта павловского царствования благодаря своему антидворянскому подтексту оценивалась некоторыми современниками в качестве реальной угрозы самодержавию. Подчеркивая эту тенденцию в политике императора, Я.И. де-Санглен писал впоследствии в своих записках о том, что Павел, «отправляя в первом гневе в одной и той же кибитке генерала, купца, унтер-офицера и фельдъегеря научил нас и народ *слишком рано* <курсив мой. – А.М.>, что различие сословий ничтожно. Это был чистый подкуп, ибо без этого различия самодержавие удержаться не может»¹⁵. Показательно, что с подобных же позиций критиковали впоследствии и Ростопчина за его, влечение к «черни» и демократическую риторику афиш, якобы таящую в себе опасность для существующего строя¹⁶.

Вступление Ростопчина в должность московского генерал-губернатора должно было произвести исключительно сильное и благоприятное впечатление на жителей Москвы: в этот день он «приказал отслужить молебны перед всеми иконами, которые считаются чудотворными и пользуются большим уважением у народа»¹⁷. В письме к Александру I Ростопчин упоминал о двукратном (по-

¹³ Patrz: Переписка императора Александра Павловича с гр. Ф.В. Ростопчиным 1812–1814 гг., „Русская старина“ 1893, № 1, s. 173–209; Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу, „Русский архив“ 1892,, ks. II, s. 419–565.

¹⁴ Е.С. Шумигорский, Император Павел I. Жизнь и царствование, Sankt Petersburg 1907, s. 168.

¹⁵ Записки Якова Ивановича де-Санглена, „Русская старина“ 1882, № 12, s. 496–497.

¹⁶ П.А. Вяземский, Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине, „Русский архив“ 1877, № 5, s. 72.

¹⁷ Ф.В. Ростопчин, Записки о 1812 годе, dz. cyt., s. 253.

видимому, демонстративном) посещении часовни Иверской Божьей Матери¹⁸. Примечательно, что Павел I во время коронационного въезда в Москву также посетил часовню Иверской Божьей Матери. Как заметил по этому поводу Р.С. Уортман, это предприятие стало «важным новшеством» и явилось «первой демонстрацией набожности в императорском въезде»¹⁹.

Первоочередные мероприятия Ростопчина в новой должности имели целью демонстрацию сильной, решительной и, одновременно, справедливой власти. «Два утра были для меня достаточны, чтобы пустить пыль в глаза и убедить большинство московских обывателей в том, что я неутомим и что меня видят повсюду, – вспоминал Ростопчин. – Мне удалось внушить такое мнение о моей деятельности тем, что я в одно и тоже утро появлялся в самых отдаленных кварталах и оставлял там следы моей справедливости и моей строгости»²⁰. Жители Москвы оценили эти качества нового генерал-губернатора. К примеру, М.А. Волкова сообщила в письме к В.И. Ланской о том, что новым генерал-губернатором «до сих пор очень довольны» в Москве, поскольку «он очень деятелен» и «справедлив»²¹.

В свое время Павел I также удивил подданных проявлением незаурядной активности. А.Т. Болотов писал:

Не успел государь нескольких дней поцарствовать, –, – как вся страна поражена была удивлением, и из ней писано было всюду и всюду, что новый наш монарх толико был трудолюбив и бдителен над соблюдением и установлением во всем порядка, что все не могли тому довольно надивиться, а особливо тому, что он всякий день, когда не по два, так по одному разу, несмотря на всю суровость погоды, разезжал по городу и по всем местам, и не в пышности и великолепии государственном, а просто когда верхом и, не смотря на всю стужу, в одном сюртуке, а когда в небольших санях. Зрелище сие было поистине необыкновенное и потому наиболее для всех поразительное, но вкупе и такое, которое производило великие последствия²²

Об этих выездах Павла I будущий декабрист В.И. Штейнгель писал, что «посещения были часты и внезапны. Заботливость гласная, разительная»²³. Этот метод правления был призван воплотить в жизнь принцип справедливости и порядка. По мнению А.Н. Пыпина, у Павла было «несколько фантастическое представление о достоинстве его власти: он понимал ее как нечто в роде власти Гарун-аль-Рашида, хотел все знать, все видеть, водворять добродетель и пресле-

¹⁸ Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812–1814 гг., dz. cyt., s. 178.

¹⁹ Р.С. Уортман, *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии*, Moskwa 2002, t. 1: *От Петра Великого до смерти Николая I*, s. 235.

²⁰ Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 253.

²¹ Письма М.А. Волковой к В.И. Ланской, dz. cyt., kol. 2381.

²² Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Петровича. (Из Записок А.Т. Болотова.), „Русский архив“ 1864, wyd. 2-е, kol. 674–675.

²³ Записки барона В.И. Штейнгеля, [w] *Общественные движения в России в первую половину XIX века*, t. I, Sankt Petersburg 1905, s. 372.

довать порок [...]»²⁴ Подобные предприятия Павла I (наряду со строгим и публичным наказанием за злоупотребление или нарушение установленного порядка) выступали одним из излюбленных им механизмов управления государством. Этот же прием использовал и Ростопчин, став генерал-губернатором Москвы. Описывая свой первый день в новой должности, Ростопчин упоминал, в частности, о следующих проявлениях своей «строгости» и «справедливости»:

Я приказал посадить под арест офицера, приставленного к раздаче пищи в военном госпитале, за то, что не нашел его в кухне в час завтрака. Я восстановил права одного крестьянина, которому вместо 30 ф. соли отпустили только 25; я отправил в тюрьму чиновника, заведовавшего постройкой моста на судах; я входил повсюду, говорил со всяким; я узнал много такого, чем потом пользовался²⁵.

В письме к Александру I он сообщал также о наказании пятьюдесятью палочными ударами одного унтер-офицера, «который был приставлен при продаже соли и заставил ждать нескольких крестьян». Важно заметить, что наказание было приведено в исполнение немедленно в присутствии генерал-губернатора²⁶.

Ростопчин с самого начала своего генерал-губернаторства проявил большую активность. Для Москвы это было новостью из-за преклонного возраста ее предшественников. По утрам, переодетый в гражданское платье, Ростопчин, по его собственным уверениям, «загонял две пары лошадей», чтобы успеть побывать в разных концах города, а в 8 часов утра появиться у себя в мундире, «готовым приняться за работу»²⁷. Тем самым Ростопчин воспроизводил характерный стиль поведения Павла I. Известно, что император обычно вставал в 5 утра, а с 6-ти часов его можно было застать за работой. В правление Павла I в том же режиме работали и государственные учреждения. По свидетельству современника, «в канцеляриях, в департаментах, в коллегиях, везде на столах свечи горели с 5 часов утра»²⁸. Образ жизни, который навязывал в свое время подданным Павел I, не мог импонировать дворянству и, прежде всего, столичной аристократии. Однако в 1812 г. чувство патриотизма диктовало благосклонное отношение к далеко не аристократическому поведению Ростопчина даже высшим слоям московского общества.

Эффективным механизмом власти Ростопчин считал демонстрацию своей открытости. Впоследствии он писал, что достиг популярности в Москве именно благодаря своей доступности каждому московскому обывателю. Он сде-

²⁴ А.Н. Пыпин, *Общественное движение при Александре I*, wyd. 4-3, Sankt Petersburg 1908, s. 52.

²⁵ Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 253.

²⁶ Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812-1814 гг., dz. cyt., s. 178.

²⁷ Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 253-254.

²⁸ Ф.П. Лубяновский, *Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777-1834*, Moskwa 1872, s. 93-94.

лал в «Московских ведомостях» объявление о том, что ежедневно с 11 часов до полудня принимает всех желающих, а тот, кто намерен сообщить ему «нечто важное», может являться к нему в любое время²⁹. Желтый ящик у ворот Зимнего дворца, появившийся вскоре после восшествия на престол Павла I, был той же демонстрацией доступности. «Народ был счастлив [...]. Вельможи знали, что всякому возможно было писать государю и что государь читал каждое письмо [...]. Страх внушал им человеколюбие»³⁰, – писал по поводу личных обращений к императору А. Коцебу. Кстати, резолюции и ответы на поданные указанным путем прошения публиковались в столичных ведомостях, где их могли прочитать не только те, к кому они имели непосредственное отношение, но и все прочие. Этим достигалась публичность власти. В подобных случаях Ростопчин прибегал не только к «Московским ведомостям», но и к более действенному орудию – знаменитым афишам, выходявшим большим тиражом и имевшим свободное и повсеместное распространение в округе. Точно так же, как и Павел I, Ростопчин обращался в афишах не только к абстрактному московскому обывателю, но и к вполне конкретным лицам в связи с конкретными событиями. Так, в одной из афиш московский главнокомандующий делал выговор некоторым москвичам за недавние беспорядки в городе.

Вы знаете, что я знаю все, что в Москве делается; а что было вчера – не хорошо, и побранить есть за что: два немца пришли деньги менять, а народ их катать; один чуть ли не умер. Вздумали, что будто шпионы; а для этого допросить должно: это мое дело³¹.

К своей «доступности всякому московскому обывателю» Ростопчин апеллировал, когда взялся за искоренение произвола, царившего в рядах московской полиции.

Я объявил полицейским офицерам, которых было 300 человек, что я ничего им не спущу даром и что они не должны надеяться скрыть от меня свои плутни, так как знают, что я говорю со всяким городским обывателем и что всякому открыт свободный доступ ко мне³²

Благодаря этому внушению и «крутым мерам», которые все-таки пришлось применить в отношении московской полиции³³, Ростопчину удалось быстро поставить полицейский корпус под личный контроль. Следует признать, что

---

²⁹ Ф.В. Ростопчин, Записки о 1812 годе, dz. cyt., s. 253. Patrz także: *Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812–1814 гг.*, dz. cyt., s. 178. Это объявление впервые появилось в «Московских ведомостях» сразу после вступления Ростопчина в должность московского генерал-губернатора. Затем оно неоднократно перепечатывалось в следующих номерах газеты (patrz: np.: „Московские ведомости”, №№ 45–47).

³⁰ *Записки Августа Коцебу*, [w] *Царевичейство 11 марта 1801 года*, Sankt Petersburg 1907, s. 299.

³¹ Ф.В. Ростопчин, *Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее*, [w] *tenże, Ох, французы!*, Moskwa 1992, s. 216.

³² Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 261.

³³ Tamże.

во время войны московская полиция проявила себя наилучшим образом, качественно исполняя многочисленные поручения главнокомандующего, которые имели в то время чрезвычайное значение.

В летние месяцы 1812 г. в Москве действовала хорошо налаженная система полицейского надзора не только за порядком, но и за общественным мнением. 15 июля в Слободском дворце состоялось торжественное обращение Александра I к представителям московского дворянства и купечества. Исключительная важность момента вынудила Ростопчина принять особые меры по поддержанию порядка во время встречи императора со своими подданными. Московский генерал-губернатор дал ясно понять общественности, что не потерпит даже малейшего нарушения спокойствия во время встречи с государем. Опасаясь того, что императору могут быть заданы вопросы, способные направить собрание в Слободском дворце в совершенно иное, «непатриотическое», русло, Ростопчин обещал немедленно отправить всякого, кто «забудется в присутствии своего государя», в «весьма далеком путешествии». Для этого недалеко от дворца были демонстративно поставлены две повозки, запряженные почтовыми лошадьми, в сопровождении полицейских офицеров, одетых по-курьерски. «Если кто-то из любопытных осведомлялся: для кого назначены эти повозки? – они отвечали: «А для тех, кому прикажут ехать»³⁴. Этот эпизод из административной практики Ростопчина весьма примечателен, поскольку в начале XIX в. образ почтовой повозки в сопровождении полицейских не потерял своей свежести и воскрешал в памяти современников недалекие времена Павла I.

Борьба с внутренней «крамолой» достигла летом 1812 г. небывалых размеров, способствуя консолидации жителей древней столицы в отпоре Наполеону. Полицейские методы борьбы с оппозицией, а также апелляция к широким социальным слоям – атрибуты правления Павла I – в полной мере проявились и в генерал-губернаторстве Ростопчина. Опыт немедленного и публичного наказания, введенный в свое время Павлом I³⁵, также нашел свое применение в административной деятельности Ростопчина. Военная обстановка располагала к тому, что многие неординарные и жесткие действия московского генерал-губернатора воспринимались обществом и властью с пониманием и одобрением. Популярность Ростопчина летом 1812 г. в значительной степени объясняется соответствием его методов управления чрезвычайной ситуации.

Все мероприятия московского главнокомандующего преследовали летом 1812 г. две основные цели – поддержание порядка в первопрестольной столице и непосредственное противодействие Наполеону. Сохранение порядка в Москве стало для Ростопчина сверхзадачей, поскольку, как отмечали современники, древняя столица «имела тогда сильное влияние на внутренние провинции» и «пример ее действовал на все государство»³⁶. Нельзя было допустить даже малейших волнений в народе, которые могли стать мощным оружием Наполеона

³⁴ Там же, s. 269

³⁵ Как известно, при Павле I телесным наказаниям стали подвергать наравне с прочими и дворян.

³⁶ Ф.Ф. Вигель, *Записки*, dz. cyt., s. 299.

в борьбе против России.

Достижение этой цели было немыслимо без ограничения работы бесчисленных питейных заведений Москвы. Еще до своего назначения на генерал-губернаторский пост Ростопчин выступал сторонником учреждения в этой области строжайшего контроля. По его мнению, если срочно не предпринять должных мер, то через несколько лет не только купцы, ремесленники и крестьяне, но даже офицеры, «представят вместо громады верноподданных скопище пьяниц и воров»³⁷. Поэтому, став главнокомандующим, Ростопчин «твердой рукой» взялся за исполнение уже существующих, но не действовавших при прежнем генерал-губернаторе правил «относительно гостиниц, трактиров и ресторанов»³⁸. С тем, чтобы очистить Москву от бродяг и ничем не занятых людей, Ростопчин добился от министра полиции разрешения отдавать в рекруты всех мещан и господских людей, «содержащихся в смирительном и рабочем Московских домах за пьянство и распутство», а «праздношатающихся» отставных офицеров и мелких чиновников зачислять нижними чинами в армию³⁹.

Не меньше беспокойства вызывал у Ростопчина и факт пребывания в Москве иностранцев. Стремясь оградить московских жителей от действия пронаполеоновской пропаганды, генерал-губернатор инициировал кампанию по выявлению иностранных шпионов. И хотя предписание о строгом наблюдении за поведением проживавших в Москве иностранцев исходило «сверху»⁴⁰, все же размах, который приобрела эта кампания в Москве летом 1812 г., был непосредственной заслугой Ростопчина.

По словам финляндского студента Э.Г. Эрстрема, жившего летом 1812 г. в Москве, «поиски и арест шпионов и лиц подозрительных» начались именно после чтения народом ростопчинских афиш⁴¹. В результате развернувшейся кампании бдительность московских обывателей в отношении иностранцев достигла невиданных размеров. Призыв Ростопчина – «За хохол да на съезжую» всех кто станет «восхвалять» Наполеона⁴², – оказался необычайно действенным. Достаточно было малейшего неосторожного слова или подозрительного поведения для того, чтобы в лучшем случае оказаться на допросе у главнокомандующего, в худшем – подвергнуться народному самосуду.

Надо отметить, что на самом деле Ростопчина серьезно беспокоили народные расправы над иностранцами, поскольку они нарушали тот самый порядок, который всеми силами он стремился сохранить. А потому московская полиция получила специальное распоряжение строго пресекать уличные потасовки. Кроме того, в письменных обращениях к народу Ростопчин указывал на недопусти-

³⁷ Письмо Ф.В. Ростопчина к императору Александру I от 12 апреля 1810 года, „Русский архив“ 1881, кс. III, s. 217.

³⁸ Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 261.

³⁹ Письмо А.Д. Балашева к графу Ф.В. Ростопчину от 28-го июня 1812 г., [w] Н.Ф. Дубровин, *Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.)*, dz. cyt., s. 32.

⁴⁰ Письмо С. Вязмитинова графу Ф.В. Ростопчину от 16 июля 1812 г., [w] там же, s. 55.

⁴¹ Э.Г. Эрстрем, *Для меня и моих друзей (дневники финляндского студента)*, „Наше наследие“ 1991, № 5, s. 71.

⁴² Ф.В. Ростопчин, *Афиши 1812 года...*, s. 212–213.

мость физической расправы над пойманными «шпионами». «И что за диковина ста человекам прибить косяного француза или в парике окуренного немца. Охота руки марать! И кто на это пускается, тот при случае за себя не постоит! Когда думаете, что шпион, ну, веди ко мне, а не бей и не делай нарекания русским; войски-то французские должно закопать, а не шушерам глаза подбивать»⁴³, – так «по-отечески» Ростопчин «бранил» московский люд.

По мере приближения Наполеона к Москве меры по отношению к провинившимся иностранцам ужесточались. В конце августа 1812 г. московский главнокомандующий решился на высылку из Москвы более сорока французов⁴⁴. Эта акция носила публичный характер: при большом стечении народа группа иностранцев была посажена в барку и отправлена водным путем в Нижний Новгород. Ретроспективно Ростопчин «объяснял» эту меру желанием успокоить разъяренный против иностранцев народ⁴⁵. В письме же к министру полиции Ростопчин откровеннее писал о цели предпринятой акции. По его признанию, публичная высылка из Москвы французов была осуществлена им «для удовольствия народа». При этом предпочтение было отдано водному пути как наиболее дешевому. («Сухим путем отправление в десять раз стоило бы дороже», – признавался Ростопчин⁴⁶.) Кроме всего прочего, эта мера была непосредственно связана с планами московского главнокомандующего по очищению Москвы от неблагонадежных лиц. По просьбе Ростопчина полиция представила список именно тех иностранцев, которые «были замечены по своим неуместным речам и дурному поведению»⁴⁷.

Несмотря на всю неоднозначность действий Ростопчина, на самом деле, он следовал особым постановлениям министерства полиции, одобренным императором. В губерниях разрешалось оставлять только тех иностранцев, за благонадежность которых отвечали губернаторы. Неблагонадежных следовало высылать за границу, за исключением тех, которые «своими разглашениями могли бы подать повод к невыгодным для России последствиям». Последние, согласно предписанию, отправлялись во внутренние губернии Российской империи⁴⁸.

Репрессии со стороны главнокомандующего подверглись летом 1812 г. и московские мasons. Считая всех мasons «друзьями Бонапартьевыми» (слова П.И. Голенищева-Кутузова)⁴⁹, летом 1812 г. Ростопчин стремился удалить из Мос-

⁴³ Там же, s. 216.

⁴⁴ Patrz: Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). zesp. 160. op. 1, sygn. 193, *Копия с дела о высылке в Нижний Новгород иностранцев*, к. 25–25v. Количество высланных французов колеблется в разных источниках от 40 до 57. В написанных в конце жизни «Записках о 1812 г.» Ростопчин указывал цифру 43, а в письме к П.А. Толстому от 24 августа 1812 г. он писал о 57 французах (patrz: *Несколько писем графа Ф.В. Ростопчина к графу П.А. Толстому 1812 года*, „Заря“ 1871, ks. 8, s. 183).

⁴⁵ Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 290.

⁴⁶ Письмо графа Ф.В. Ростопчина к А.Д. Балашеву от 18-го августа 1812 г., [w] Н.Ф. Дубровин, *Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.)*, dz. cyt., s. 102.

⁴⁷ Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 290.

⁴⁸ Patrz: М. Богданович, *История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Составлена по высочайшему повелению*, т. II, Sankt Petersburg 1859, s. 258.

⁴⁹ Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому, [w] А.А. Васильчиков, *Семейство Разу-*

квы наиболее видных и наиболее опасных из них. В переписке с Александром I он не раз подчеркивал, что «мартинисты суть скрытые враги» России, от письма к письму «раскрывая» их «якобинскую сущность» и «преступные планы»⁵⁰. Главным образом московские масоны обвинялись в пронаполеоновской пропаганде и антиправительственных настроениях.

После вступления французов в Смоленск, считавшийся последней преградой на пути к Москве, Ростопчин нанес решительный удар по московским масонам. Удар пришелся по пользовавшемуся большим авторитетом в масонских кругах московскому почт-директору Ф.П. Ключареву. 10 августа его кабинет вместе со всеми бумагами был опечатан, а сам он был выслан под надзор полиции в Воронеж. Судьбу почт-директора во многом предрешила не вполне ясная роль, которую он играл в истории с Верещагином. В ходе следствия была установлена связь государственного преступника со служащими почтамта и его директором, который обещал ему свое покровительство⁵¹.

2-й гильдии купец Михаил Верещагин приобрел громкую известность благодаря тому, что был уличен в начале войны в сочинении и распространении прокламаций, носивших откровенно пораженческий характер. В них рисовался образ непревзойденной мощи и славы Наполеона, преумноженной покорностью побежденной Европы⁵². С подачи московского главнокомандующего этому делу был дан активный ход. С самого начала Ростопчин подробно информировал императора и министра полиции А.Д. Балашова о ходе следствия по делу Верещагина. В переписке с ними московский главнокомандующий делился своими соображениями относительно мер, которые следовало бы предпринять в деле Верещагина, чтобы предотвратить повторения подобных инцидентов в будущем. Он полагал, что необходимо «как можно скорее исполнить приговор, в виду важности преступления, ненадежности простого народа и сомнений публики»⁵³. По его мнению, «достойное наказание» «за тяжкое преступление прекратит волнение и толки и обнаруживая явно сочинителя отнимет все действие и силу у его сочинения»⁵⁴, а проявление милосердия по отношению к государственному преступнику губительно для всего государства. Мягкий приговор в подобных случаях может расцениваться как проявление слабости правительства и привести, таким образом, государя и страну к «верной гибели»⁵⁵. Немедленное же наказание Верещагина заставило бы многих держать себя тихо, считал Ростопчин⁵⁶.

Верещагина судили как государственного преступника. Согласно решению суда, 19 августа правительствующий сенат постановил: за измену Отечеству, Верещагина («за отменю смертной казни, каковой бы он подлежал»), наказать

мовских, Sankt Petersburg 1880, t. 2, s. 392.

⁵⁰ Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу, dz. cyt., s. 428.

⁵¹ Письмо гр. Ф.В. Ростопчина А.Д. Балашеву от 4 июля 1812 г., [w] Н.Ф. Дубровин, *Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.)*, dz. cyt., s. 37.

⁵² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), zesp. 1165, op. 1, sygn. 164, k. 4.

⁵³ Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу, dz. cyt., s. 431.

⁵⁴ ГА РФ, zesp. 1165, op. 1, sygn. 164, k. 2.

⁵⁵ Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу, dz. cyt., s. 431.

⁵⁶ Там же.

кнотом и пожизненной ссылкой в Нерчинск⁵⁷. Однако до оставления Москвы приговор исполнен не был.

Энергичные действия Ростопчина по искоренению «внутренней крамолы» сопровождалась мощной пропагандой среди москвичей, главным средством которой было издание знаменитых афишек. С их помощью генерал-губернатор стремился воздействовать «на умы народа, возбуждать в нем негодование и подготавливать его ко всем жертвам для спасения отечества»⁵⁸. Призывы и побуждения Ростопчина находили в народе самый горячий отклик. Своим призывом к народу вооружаться, «кто чем может»⁵⁹ и валить французов «живых и мертвых в могилу глубокую»⁶⁰ московский главнокомандующий одним из первых провозгласил начало партизанской войны. Примечательно, что подобное обращение к народу Ростопчин предпринял впервые не в конце августа – сентябре 1812 г., когда Наполеон стоял у стен Москвы, а сразу после взятия Смоленска. Еще 12 августа Ростопчин призывал крестьян Московской губернии подняться на борьбу с врагом⁶¹.

По мере приближения французской армии к Москве активизировалась деятельность Ростопчина по различным направлениям. Так, по просьбе М.И. Кутузова московский генерал-губернатор наладил снабжение армии продовольствием, снарядами и людскими ресурсами из числа московского ополчения. Для регулярного снабжения армии хлебом Ростопчин создал специальную комиссию, обеспечившую круглосуточную выпечку хлеба и его отправку в армию. «Хлебопеки пекли хлеба, – писал он впоследствии, – другие разрезали его на кусочки, высушиваемые в печах, нанятых и употреблявшихся исключительно для этого дела непрерывно, в течение дня и ночи. Каждое утро обоз в 600 телег отвозил сухари и крупу в армию [...]»⁶² Насколько это было возможно, Ростопчин старался выполнять все требования главнокомандующего.

С середины августа по распоряжению московского главнокомандующего началась эвакуация учреждений и казенного имущества. 17 августа Ростопчинным был отдан приказ о начале подготовки к эвакуации госпиталя, 22 августа – о готовности к немедленному вывозу казны и важнейших бумаг. В целом эвакуация государственных учреждений и церковных ценностей прошла довольно успешно. Удалось спасти дела судебных, сенатских и военных комиссий, а также архив министерства иностранных дел, государственную казну, патриаршую ризницу, сокровища соборов, а также Троицкого и Воскресенского монастырей.

С начала августа 1812 г. между Ростопчиным и М.И. Кутузовым велась оживленная переписка, главным вопросом в которой была судьба Москвы. При этом фельдмаршал заверял Ростопчина в том, что будет защищать Москву «до

---

⁵⁷ П.В. Шереметевский, *Верещагин и Мешков. Уголовно-судебный эпизод из истории Москвы в 1812 году*, „Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете“ 1866, ks. IV, s. 243.

⁵⁸ Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 265.

⁵⁹ Tenże, *Афиши 1812 года...*, s. 218.

⁶⁰ Тамże, s. 220.

⁶¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), zesp. 345, op. 1, sygn. 20, k. 5v.

⁶² Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 294.

последней капли крови»⁶³. Сам генерал-губернатор до 1 сентября верил в то, что предстоит грандиозное сражение у стен Москвы. Именно поэтому эвакуация Московского арсенала, начавшаяся 18 августа, не была завершена. Известие о том, что Москва будет сдана без боя, начальством арсенала было получено утром 2 сентября. Поскольку эвакуировать оставшиеся запасы арсенала было уже поздно, Ростопчин приказал уничтожить запасы пороха и свинца, а холодное и огнестрельное оружие было оставлено у стен арсенала, «ворота которого 2 сентября были широко распахнуты» для народа⁶⁴.

Чрезвычайная энергия потребовалась от генерал-губернатора в последние дни перед оставлением Москвы. Он лично следил за отправкой раненых и за эвакуацией казенного имущества, принимал многочисленных посетителей и раздавал различные поручения подчиненным. В последствии вспоминал:

Я не имел ни минуты свободной. Беспреданно приходили ко мне люди всяких сословий; одни просили повозку, другие денег, так как не имели средств выбраться из города; [...]. Я делал все, что мог, для удовлетворения просьб этих несчастных. Что касается денег, я роздал их столько, что выехал из Москвы человеком одновременно самым богатым и самым бедным; так как увозил с собою 130 т. руб., оставшиеся у меня из экстраординарных сумм, и 630 р., собственно мне принадлежавших⁶⁵.

Своей заслугой Ростопчин считал закрытие Сената и эвакуацию его членов накануне вступления в Москву Наполеона. По его свидетельству, такие видные сенаторы-мasons, как И.В. Лопухин, П.С. Рунич и П.И. Голенищев-Кутузов хотели уговорить остальных членов Сената не покидать Москвы, «окрашивая такой поступок в чувство долга и в самопожертвование для отечества, по примеру римских сенаторов во время вступления галлов в Рим». Московский же главнокомандующий опасался, что при помощи Сената Наполеон сможет оказывать давление на всю остальную Россию посредством указов и прокламаций, исходящих от Сената. Это могло привести к замешательству во внутренних областях Российской империи, поставив их «в такое положение, в котором они не знали бы, кого слушаться»⁶⁶. Если бы сенаторы отказались добровольно покинуть Москву, то Ростопчин был намерен отправить непокорных под конвоем в Петербург⁶⁷.

Арман де Коленкур вспоминал, что при вступлении французской армии в Москву обнаружилось, что все власти оставили ее и город «походил на пустыню. Не было даже возможности образовать какую бы то ни было администрацию». Все это произвело на Наполеона крайне удручающее впечатление и доставило ему немало трудностей⁶⁸. Даже чиновник Московского почтамта Д.П. Рунич (сын сенатора П.С. Рунича), весьма не расположенный к Ростопчину, высоко оценил

⁶³ Tenże, *Афиши 1812 года...*, s. 218.

⁶⁴ Тамże.

⁶⁵ Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 311.

⁶⁶ Тамże, s. 302–303.

⁶⁷ Тамże, s. 304.

⁶⁸ А. де.Коленкур, *Мемуары. Поход Наполеона в Россию*, Smoleńsk 1991, s. 137–138.

значение принятых московским главнокомандующим мер по удалению из Москвы представителей русской знати. По его мнению, «Наполеон, являсь в Москву победителем, обладая силой, легко мог привлечь на свою сторону московскую знать и сделать из нее своих агентов», кроме того, он нашел бы себе немало пособников, из числа русских, «воспитанных французами и преклоняющихся перед всем французским». Покоренная таким образом Москва, произвела бы самое пагубное впечатление на всю страну, а Наполеон достиг бы той цели, которой он не смог добиться с помощью оружия⁶⁹.

С тем, чтобы оградить город от беспорядков и грабежей со стороны дезорганизованных армейских частей, московский генерал-губернатор 31 августа распорядился прекратить отпуск водки по кабакам, которые в тот же день были закрыты. Ростопчин обещал повесить главного управляющего винными откупами «у двери кабака», если приказание не будет в точности исполнено⁷⁰.

2 сентября по приказу Ростопчина местная полиция с пожарными обозами была отправлена из Москвы, а оставшиеся в городе пожарные трубы были приведены в негодность⁷¹. При этом Ростопчин оставил в Москве команду своих агентов, в обязанности которых входила организация поджогов. Невзирая на очевидность руководящей роли московского генерал-губернатора в организации пожара (что, однако, не исключает поджогов, совершенных по личной инициативе русских патриотов, а также по неосторожности или злему умыслу французских оккупантов или русских мародеров), сам Ростопчин официально никогда не брал на себя ответственность за эту акцию. Он понимал, что русское общество не одобрит этот поступок. И действительно, хотя московский пожар и сыграл решающую роль в Отечественной войне 1812 г., нарушив грандиозные планы Наполеона, в русском обществе, особенно в аристократической среде он получил негативную оценку и впоследствии стал главной причиной отставки Ростопчина.

2 сентября перед самым вступлением Наполеона в Москву, находясь в состоянии «великой скорби» и «великого раздражения»⁷², Ростопчин приказал казнить Верещагина. Перед собравшимся у генерал-губернаторского дома народом Ростопчин «укорил» Верещагина «за преступление, тем более гнусное, что он один из всего московского населения захотел предать свое отечество». Объявив преступнику, что он приговорен к смертной казни, генерал-губернатор приказал двум унтер-офицерам рубить его саблями. В результате полученных ударов Верещагин упал, «не произнеся ни одного слова»⁷³, после чего был растерзан собравшейся толпой.

В тяжелейших условиях Отечественной войны М.И. Кутузов поступал аналогично. Известно, что за «разглашение неблагонамеренных слухов» он прика-

⁶⁹ Д.П. Рунич, *Записки*, „Русская старина“ 1901, t. 105, № 3, s. 606.

⁷⁰ Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 304.

⁷¹ А. де. Коленкур, dz. cyt., s. 141; Д.П. Рунич, *Записки*, „Русская старина“ 1901, t. 105, № 3, s. 602; Ф.В. Ростопчин, *Записки о 1812 годе*, dz. cyt., s. 308; tenże, *Правда о пожаре Москвы*, Moskwa 1823, s. 19.

⁷² П.А. Вяземский, *Воспоминания о войне 1812 года*, „Русский архив“ 1869, s. 215.

⁷³ Tamże, s. 312–313.

зывал немедленно наказывать смертью представителей мирного населения – «в пример другим». Этот приказ главнокомандующего неукоснительно исполнялся. Так, в одном из писем к А.М. Римскому-Корсакову фельдмаршал сообщил о том, что повесил несколько человек из числа гражданского населения за распространение ими «зловредных слухов»⁷⁴. Впоследствии трагическая развязка дела Верецагина стала поводом для выражения императором своего явного недовольства действиями московского главнокомандующего⁷⁵, которого он всегда не любил. Сразу после возвращения из заграничного похода Александр I отправил Ростопчина в отставку (30 августа 1814 г.).

День оставления Москвы – один из самых трагических в истории России – стал высшей точкой административной активности и одновременно политической самостоятельности Ростопчина. Но если во время войны, в пору патриотического воодушевления политика московского генерал-губернатора воспринималась обществом с пониманием и одобрением, то вскоре после нее в адрес слишком решительного и независимого начальника посыпалась со всех сторон критика. Ростопчина порицали и порой весьма громко именно за то, за что еще совсем недавно превозносили. Главным образом его обвиняли в злоупотреблении властью.

В действительности, подобное обвинение было не вполне обосновано, учитывая степень чрезвычайности ситуации, в которой приходилось действовать Ростопчину. В 1812 г. характер деятельности московского генерал-губернатора вполне соответствовал и времени, и месту. Согласно «Учреждению о губерниях» (1775 г.), которое регулировало деятельность генерал-губернаторов в Российской империи, их главной функцией объявлялся надзор, но, как заметил А.Д. Градовский, исторические обстоятельства изначально придали этой должности характер чрезвычайной власти. Поскольку «Учреждение о губерниях» мало определяло подробности административной практики генерал-губернаторов, они становились «сами себе законом и управляли областью по своему усмотрению». Единственным, перед кем отчитывался и кому подчинялся генерал-губернатор, был монарх⁷⁶. Подобная система, возникшая в царствование Екатерины II, действовала и на момент Отечественной войны.

Результаты деятельности московского генерал-губернатора во время Отечественной войны 1812 г. были весьма значительными. Патриотическая пропаганда Ростопчина оказала мощное мобилизующее воздействие на общество, способствуя его консолидации вокруг общей идеи спасения Отечества. Своими афишами он одним из первых призвал народ к партизанской войне, активно развернувшейся в Московской губернии. Организованный Ростопчиным московский пожар не только способствовал поднятию морального духа армии и гражданского населения, но имел важное стратегическое значение, лишив Вели-

⁷⁴ Секретное письмо князя Кутузова-Смоленского А.М. Римскому-Корсакову, „Русская старина“ 1897, № 9, s. 682–683.

⁷⁵ Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812–1814 гг., dz. cyt., s. 183–184.

⁷⁶ А.Д. Градовский, dz. cyt., s. 310–313.

кую армию Наполеона возможности перезимовать в богатом городе. Бесспорной заслугой московского генерал-губернатора стало то, что вплоть до оставления древней столицы в сентябре 1812 г. ему удалось сохранить порядок и спокойствие в городе, служившем для остальной России образцом. «Ты не знаешь, что было в Москве с конца июля», – писала в 1812 г. М.А. Волкова В.И. Ланской.

Лишь человек подобный Ростопчину мог разумно управлять умами, находившимися в брожении и тем предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва действовала на всю страну, и будь уверена, что, при малейшем беспорядке между жителями ее, все бы всполошилось. [...] Я чувствую к нему величайшую благодарность и вижу милосердие Божие в том, что во главе Москвы в тяжелые минуты находился Ростопчин»⁷⁷.

---

⁷⁷ Письма М.А. Волковой к В.И. Ланской, dz. cyt., kol. 2413–2414.

Streszczenie

Arina Olegowna Mieszczerałkowa

Organ generał-gubernatorstwa w warunkach wojennych – działalność moskiewskiego głównodowodzącego F. W. Rostopczyna w 1812 r.

Ukazem senatu z 24 V 1812 r. hr. Fiodor Wasiljewicz Rostopczyn (1765-1826) został mianowany generał-gubernatorem w Moskwie, a 29 maja - moskiewskim głównodowodzącym. Historia zarządzania gubernią moskiewską w czasie wojny ojczyźnianej 1812 r. stanowi bogaty i wyrazisty materiał do zbadania problemu zakresu i metod realizacji władzy generał-gubernatora – tak słabo określonych przez prawo. Poza tym, Autorka podejmuje także próbę odpowiedzi na pytania szczegółowe: na ile działania Rostopczyna latem 1812 r. były zgodne z prawem, określającym pełnomocnictwa generał-gubernatora w tym czasie? i – jak bardzo efektywne były rządy moskiewskiego generał-gubernatora w warunkach wojny z koalicją napoleońską?

Summary

Arina Olegowna Meshcherakowa

General Governorate in war conditions – activity of Moscow commander-in-chief F. V. Rostopchin in 1812

Count Fyodor Vasilyevich Rostopchin (1765-1826) was nominated Governor-General in Moscow by the senate's ukase of 24 May, 1812, and the Moscow commander-in-chief on 29 May. The history of governing the Moscow Governorate during the Patriotic War of 1812 constitutes an abounding and distinctive material to examine the problem of the scope and methods of exercising the power of a Governor-General, so poorly determined by the law. Apart from that, the author undertakes to answer the specific questions, e.g. to what extent the Rostopchin's activity in the summer in 1812 was consistent with the law determining the power of a Governor-General in that time, and how effective the ruling of Moscow Governor-General in the times of war against Napoleon's coalition was.